

Страницы истории

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЫМА

В.В. Похлебкин*

Крымская проблема — одна из тех «мелких», «локальных» внешнеполитических проблем в мировой истории, которые напоминают существование «потухших» вулканов: они могут никого не беспокоить и не проявлять себя ничем десятилетиями или даже веками и вдруг «неожиданно» вспыхивать и «извергаться», внося сумятицу в отношения соседних государств, затрагиваемых данной проблемой, и, главное, становясь источником тревог и «головной боли» для населения этого небольшого района.

Правда, в отличие от вулканов, такие «взрывы» внешнеполитических проблем в малых историко-географических районах остаются непредсказуемыми лишь для некомпетентных политиков. Ибо сама причина возникновения этих «взрывов» всегда одинакова: они бывают связаны всегда, во все времена с изменением status quo данного района. И чем резче меняется это status quo, тем сильнее и мучительнее протекает сам «взрыв». Казалось бы, ясно: нельзя менять status quo там, где оно явилось гарантией стабильности и спокойствия, мира и процветания. Но, чтобы так поступать, надо быть политиком высокого ранга, быть осведомленным во всем, во что предполагается вмешаться. К сожалению, такие политики существовали в нашей стране лишь в короткий период 20—40-х годов. Уже в 50-х годах их не стало. Отсюда волюнтаристское ведение внешней и национальной политики, отсюда серия однотипных ошибок, отсюда «возрождение», переросшее во «взрывы» таких проблем, как карабахская, абхазская, южно-осетинская, ингушская, чеченская и... крымская. Все они, в сущности, локально-внешнеполитические, все они касаются государственного или национально-государственного

* Историк-международник, лауреат международной премии Ланге Черетто (Италия, 1993 г.). Эта интернациональная литературная премия присуждается с 1990 года ежегодно за лучшее в мире произведение в области алиментационной истории.

положения сложившихся исторически особых областей. Конечно, их значение в современной политике, удельный вес и «темперамент» могут быть различны, но у всех у них есть то общее, что они возникли не теперь, а корнями уходят в историю, в глубь веков. Вот почему без учета прошлой истории, без вскрытия исторических причин, исходя лишь из современных правовых норм, решить такие проблемы не представляется возможным, и все подобные попытки останутся эфемерными, построенными на песке или на... насилии, что, впрочем, одно и то же.

Но и к учету *исторического опыта* в таких проблемах, как крымская, нельзя подходить формально, механически, с позиций голой хронологии или подбора и параллельного взвешивания позитивных и отрицательных исторических фактов.

Прежде всего следует выяснить те постоянно действующие факторы, которые лежали и лежат в основе формирования крымской истории, крымского региона. Вопрос о том, кому он принадлежит или может (должен?) принадлежать, надо выяснять с вопроса: куда он, собственно, географически и геополитически относится?

Вот почему важным, постоянно действующим является фактор географического положения Крыма. Рассмотрим этот фактор подробнее.

Географическое положение Крыма¹ как важный объективный, исторически постоянный фактор включает в себя следующие составные части или подфакторы:

1. Макрогеографическое, геополитическое положение Крыма на континенте Европы.

2. Экономико-географическое и историко-географическое положение Крыма по отношению к соседним государствам или регионам.

3. Микрогеографическое, локально-географическое, природное состояние данного района.

Все эти составные части, создающие общий географический фактор, обладают не только непреходящим характером, но в отношении именно Крыма почти нисколько не изменили за несколько веков своего решающего значения для его исторической судьбы. Это то, что в них общее. Но рассмотрим их каждый в отдельности, чтобы выяснить то существенное и определяющее, что влияет, воздействует до сих пор на складывание судеб Крыма и что может помочь нам понять, как, в каком направлении следует решать крымский вопрос, к *какой именно сфере фактов применять* рациональные, к какой — формально-юридические, правовые, выявляющие все *pro* и *contra*, критерии, чтобы отойти от эмоционально-политического и приблизиться к объективно-беспристрастному решению крымского вопроса.

А. Основная черта Крыма с точки зрения его макрогеографического положения в Европе, — это его периферийность.

Периферийность была и осталась коренной, неизменной чертой Крыма с первых веков нашей эры и до конца XX столетия, то есть более 2 тыс. лет. Она выражается в том, что Крым, будучи относительно изолированной географической точкой в юго-восточном углу Европейского континента, оставался все время периферийным как по отношению к Северо-Восточной Европе, так и по отношению к Южной Европе все 2 тыс. лет, хотя его государственная принадлежность, его связи, его отношения с соседями все это время постоянно менялись, а также менялось и положение европейских внешнеполитических центров, которые интересовались Крымом.

Геополитически Крым всегда оставался колонией. Вначале, с середины I тысячелетия до нашей эры и вплоть до конца XVIII века, то есть почти 2200—2300 лет, он был колонией государств Южной Европы (последовательно — Древней Греции, Римской империи, Византии, Генуэзской республики, Турции). Когда же южноевропейские государства одно за другим потеряли контроль над Крымом, он закономерно превратился в периферийно-зависимую территорию от самого мощного государства Северо-Восточной Европы — то есть от России. Произошло лишь «переключение штепселя». Иного выхода, то есть абсолютной независимости — «третьего пути», у Крыма никогда не было и не могло быть. Этот вывод — важный, исторически объективно подтвержденный и незыблемый. Следовательно, действовать вопреки ему — политическое донкихотство. Иными словами, Крым всегда будет реально зависим от самого мощного государства континента. Кто им явится — другой вопрос. Важен принцип, подтвержденный историей. И важно юридически считаться с тем, что определяющее значение для Крыма и в крымской истории играет *сильнейший*, а не географически *ближайший в Европе*.

Б. Перейдем теперь к анализу экономико-географического положения Крыма на протяжении истории.

Будучи политически зависимым от крупных держав Юга или Северо-Востока Европы, Крым никогда не сливался с ними, а всегда оставался особой историко-географической областью в их составе, будь то Римская, Турецкая или Российская империи, и, обладая элементами то областной, то национальной автономии, всегда оставался крепко связанным со своими метрополиями — экономически. Союз Крыма со своими «хозяевами» в экономической области представлял собой для этого обособленного района жизненно важную необходимость. Крым не мог жить сам по себе. Он нуждался в том, чтобы его прокормил кто-то большой и сильный.

И с Юга, и с Севера он получал хлеб — то, чего не могла дать его земля. Сам же он играл для любых своих хозяев роль «экономического привеска». Для южных империй он был привеском-обузой, для северной империи — редким, желанным, субтропическим привеском, на который не жалели тратить средства. Южные же империи снабжали и терпели Крым как нахлебника исключительно ради его стратегического значения и его роли торгового форпоста, то есть торговой точки «обменного пункта», через который можно было торговать с Севером. Отсюда видно, что значение Крыма для Турции и России было далеко не одинаковым. Для России это был желанный, райский уголок, откуда можно было получать вино, фрукты, рыбу, каких не знала собственно Россия. Кроме того, впоследствии выяснилось, что Крым можно превратить в место отдыха, в рекреационную область.

Для всех южных государств Крым был просто «дырой», каких у нас самих было не только много, но и все они были намного лучше, намного удобнее, намного дешевле, чем Крым. Вот почему для Юга Крым никогда не являлся жизненно важной точкой и с ним, в сущности, легко расставались.

Для России же он был незаменим, особенно в XVIII и до второй половины XIX столетия, пока Россия еще не встала прочной ногой на Кавказе. Это тоже важный, исторически подтвержденный, объективный вывод. Таким образом, говоря, что Крым всю свою историю оставался колонией, надо сделать уточнение: для России и в России он являлся *привилегированной колонией*. Это важное отличие. Оно дает основание полагать, что сам Крым непременно будет склоняться к принадлежности к такому государству-сюзерену, которое будет способно обеспечить (или вернуть?) ему статус привилегированной колонии, и что всякое иное положение будет означать для него исторически шаг назад. И правоведы, решая судьбу Крыма, несомненно, будут вынуждены считаться с этим фактом (*optimus*).

В. Обратимся, наконец, к последнему, микрогеографическому положению Крыма, посмотрим, о чем говорит этот фактор.

В локально-географическом отношении Крым представляет собой четко очерченную, физгеографически своеобразную, обособленную область.

Во-первых, он резко отделен от континентальной части Европы Сивашем — так называемым Гнилым морем. Два перехода на Крымский полуостров — западный у Перекопа и восточный у Сиваша (на Чонгарском полуострове) — легко перекрываются из-за крайней узости этих переходов. Кроме того, более удобный переход у Перекопа может быть вторично перекрыт совершенно узким проходом у Ишуня (Юшуня), на что, собственно, и надеялся в

свое время Врангель, считая, что Красная Армия не сможет преодолеть этих преград. И надо сказать, что только Красная Армия эпохи гражданской войны, имевшая беззаветных идейных бойцов и блестящее военное руководство, смогла путем форсирования вброд Сиваша и ценой гибели лучших соединений РККА у Ишуня (под командованием командарма Янышева) прорваться в Крым. Повторение подобного подвига вряд ли возможно в будущем, учитывая, тем более, современное морально-политическое состояние наемных армий, воюющих не за идеи, а за жалование и современные возможности возведения фортификационных сооружений.

Таким образом, Крым достаточно надежно прикрыт со стороны континента. Что касается морской, открытой границы Крыма, то ее безопасность может быть обеспечена только мощным военным флотом. А содержать такой флот в Крыму может только великая держава. Сам Крым, сколь бы он ни был «независимым», не может располагать даже слабым военным флотом. Как показала история, морская граница Крыма весьма уязвима, в основном для обстрела тяжелой морской артиллерией. Дважды во время войн России в 1854 и 1914 годах с обстрела крымского побережья английской и германской эскадрами начиналась война и вторжение иностранных войск в Россию. Для десанта иностранных войск в Крыму использовались во время прошлых войн западный Крым, район Евпатории, и восточный Крым — Феодосийская бухта и Керченский полуостров со стороны Керченского пролива. Это самые уязвимые и слабые в военном отношении места Крыма. Именно здесь должны быть расположены дополнительные военные гарнизоны или укрепления береговой обороны, если в Крыму будет отсутствовать сильный военный флот.

В целом военно-тактическое положение Крыма благоприятно, оно способствует превращению его в военную крепость, но только при условии, если эта крепость будет прикрываться и защищаться сильным военно-морским флотом. При его отсутствии Крым абсолютно беззащитен. Все его фортификационные сооружения, какими бы крепкими они ни были, могут быть легко разрушены артогнем крупнокалиберной морской артиллерии, что уже было неоднократно доказано немцами во время второй мировой войны. Горы Крыма, его южного побережья, сложенные из мягких, известковых и других (мергельных) сыпучих пород, пронизанные карстовыми пустотами, могут быть превращены в пыль огнем 615- и 630-миллиметровых современных орудий буквально за несколько часов. Следовательно, война в Крыму будет означать полное, невосстановимое уничтожение природы Крыма, ибо слой горных пород на южном побережье в настоящее время прикрыт лишь крайне истончившейся за столетия всего 5—7-сантиметровой

(а кое-где и 3-сантиметровой) «пленкой» наносной почвы. Ее сохранение даже от ежегодных весенне-осенних смывов в данное время составляет крупнейшую экологическую проблему. При наличии же войны в Крыму с применением современных боевых средств уничтожение этого жизненно важного слоя абсолютно невосполнимо.

Отсюда одной из задач международно-правового урегулирования крымской проблемы должно стать заключение обязательного соглашения всех заинтересованных сторон о **запрете** ведения любых военных действий в Крыму. Начавшая такие силовые действия сторона должна автоматически подвергнуться нападению всех заключивших данное соглашение сторон и быть объявлена вне закона вплоть до раздела ее территории между участниками соглашения. Только такие меры могут показать, насколько недопустима война в Крыму в современных условиях, и только такие постановления могут предотвратить будущие возможные нарушения запрета войны. Иными словами, *чудовищность ущерба от войны* должна быть международно-правовым образом **адекватно** продемонстрирована *степенью тяжести наказания*. Без соблюдения условия *адекватности возмездия* любой правовой документ превращается в фикцию. Этому нас учит история, в том числе история государства и права.

Итак, какие практические политические и международно-правовые выводы следуют из анализа постоянно действующих факторов в историческом развитии Крыма?

Во-первых, в силу своей периферийности и уязвимости Крым с точки зрения своей безопасности и мирного развития должен неизбежно опираться на самую сильную державу континента, независимо от того, где она расположена: на Юге Европы, на его Северо-Востоке или в ином месте. Важно, чтобы связь с этой метрополией была реальной, возможной технически и выгодной для Крыма, а тем более для обеих сторон. Без этого существование Крыма как спокойного уголка Европы проблематично. Если сильнейшим государством Европы станет блок НАТО, то не исключено подчинение Крыма ему. Это та реальность, с которой должны теперь считаться.

Во-вторых, экономическое снабжение Крыма извне продовольственным и промышленным сырьем и товарами — непереносимое условие существования его населения и развития его курортной экономики, требующей инвестиций, экономической помощи и внешней защиты.

То, что Крым должен существовать как **дотационная территория** и подпитываться метрополией, с этим должен заранее считаться любой претендент на Крым. Невозможность выполнить подо-

бное условие является веским основанием для лишения «соискателей» их претензий на владение Крымом. Ибо только экономически крепкое государство может себе позволить «содержать Крым» без ущерба для его населения и его развития, как процветающую территорию.

В-третьих, любые формы военных действий в Крыму недопустимы. Они должны быть исключены заранее путем заключения международно-правового акта, предусматривающего нейтрализацию и гарантию неприкосновенности Крыма. Реальным же гарантом крымской безопасности может стать только сильный в военном отношении сюзерен-метрополия Крыма, государство с непререкаемым международным авторитетом.

Теперь, когда характер влияния постоянных факторов на международное положение Крыма для нас достаточно ясен и их современное проявление, в принципе, установлено, посмотрим, как реально складывалось и менялось положение Крыма исторически, в каком фактическом внешнеполитическом окружении существовала эта территория, эта историко-географическая область веками и как взаимодействовал Крым со своими непосредственными соседями. Анализ этого исторического опыта также прояснит для нас специфику Крыма как объекта и субъекта международного права.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот совершенно непреложный исторический факт, что Крым никогда за всю свою долгую историю не был связан с прилегающей к нему с севера территорией северного Причерноморья. Он развивался и существовал абсолютно изолированно от засиравских степей и тамошних общественных и государственных отношений. Он не был связан с ними ни политически, ни государственно и даже не национально. Это были разные, нередко совершенно противоположные, не похожие друг на друга миры. И тысячелетиями это состояние было нормальным для данного региона.

Так, в античное время, с I по II век, когда Крым входил в состав Римской империи и имел греческое население в городах побережья, в северном Причерноморье господствовали сарматы и тавроскифы.

Во II веке Крым заселили готы, образовавшие позднее феодальное государство, ставшее вассально зависимым с VI по XIII век от Византии.

В IV веке, когда гунны прошли по причерноморским степям, в Крым, спасаясь от них, хлынули аланы.

В VI—XIII веках, когда приморский Крым находился под властью Византии, северные степи Причерноморья составляли часть Хазарского каганата до VIII века, а затем стали обиталищем протоболгар и печенегов, практически в Крым не вторгавшихся. Лишь

половцы, да и то уже в конце XII — начале XIII века появляются в степях северного Крыма и в восточной части полуострова.

В XIII веке в Крыму господствуют сильные средиземноморские республики — Венеция и Генуя, превратившие Крым в свою колонию-факторию, в то время как причерноморские степи завоевывают ногайцы и татары.

Наконец, когда в Крыму создается татарское государство — Крымское ханство Гиреев, — в степях северного Причерноморья кочуют ногайские орды, а фактически после откочевки части ногайцев к Каспию, а части — в Буджак, в междуречье Днестра и Дуная, территория северного Крыма превращается в полупустое пространство.

Именно эта «пустота» провоцирует Турцию на размещение от устья Дона (Азов) до устья Днестра (Хаджубей) ряда опорных пунктов на кромке северных причерноморских берегов, которые как бы маркируют северные пределы распространения Турецкой (Османской) империи.

Между этой кромкой и украинскими землями правобережной части Днестра и его Левобережьем (Малороссией) сохраняется на протяжении всего XVI и XVII и первой трети XVIII столетия обширная ничейная земля, в пределы которой лишь весьма изредка, эпизодически, да и то под давлением обстоятельств, вторгались запорожские войска, но никогда не распространялась власть Запорожской Сечи как государства. Запорожцы были вытеснены на территорию Крымского ханства распоряжением российского правительства о ликвидации Запорожской Сечи, после чего они перенесли местопребывание запорожского Коша в устье Днестра, на пограничную, ничейную землю (с разрешения Турции) — в так называемую Алешковскую Сечь (1734—1775 гг.). Однако юридически они уже не были «государством» и даже не могли считаться «правительством в изгнании», поскольку в то время подобных статусов в международных отношениях не существовало, а юридически они были обращены в «верную турецкую райю», то есть считались лояльными подданными турецкого султана, сохранявшими христианское вероисповедание. Таким образом, даже об украинской колонизации ничейных земель, лежавших между Крымом и Запорожьем, нельзя говорить ни в фактическом, ни, тем более, в юридическом смысле. Такого исторического факта просто не существовало, тем более что вскоре, с 1775 года, украинские эмигранты на турецкой земле были перемещены еще дальше, в глубь турецкой империи, в район дельты Дуная, поскольку степной район Причерноморья превратился после Кучук-Кайнарджийского мира в театр постоянных военных действий, имеющих целью завоевание Крыма Россией. Дело в том, что, став в 1775 году независи-

мым от Турции, Крымское ханство не смогло просуществовать и десятка лет, подтвердив еще раз характерную черту своего международно-правового статуса: сохранение крымского интегритета, то есть стабильности и неприкосновенности Крыма, возможно лишь при его опоре на самую сильную державу континента; всякое же изменение статуса ведет к возникновению нестабильности.

Завоевание Россией в конце XVIII века полосы степных ничейных земель, лежавших издавна между Русью и Крымом, между Русью и Турцией, свидетельствовало не только о резком ослаблении турецкой мощи по сравнению с Российской империей, но и решало впервые за 1000 лет вопрос о государственной принадлежности этого региона, расположенного между собственно польско-украинскими землями — Подолией и Малороссией и Черным морем. Вопрос, который начал решать Святослав I и который оставался нерешенным с тех пор почти тысячелетие, был решен не в пользу Польши, не в пользу Литвы, не в пользу Украины, территории которых в разное время соседствовали с северным Причерноморьем, а в пользу России, расположенной в то время значительно севернее этих земель. Это произошло потому, что Польша, Литва и Украина и порознь, и вместе, как соединенные части Речи Посполитой, не имели ни необходимых военных ресурсов, ни, тем более, ресурсов людских, экономических для реального владения и освоения этих обширных земель.

Неисчерпаемыми ресурсами обладала только Россия, имевшая, кроме того, геополитическую задачу и своего рода «геополитическое право» на выход к морям. Вот почему вся новая завоеванная и присоединенная к России область от нижнего течения Днестра до нижнего течения Дона, а не только нижнее Побужье и Поднестровье, была наименована Новой Россией, или Новороссией, подобно тому как западноевропейские завоеватели называли вновь завоеванные территории в Новом Свете Новой Англией, Новой Шотландией, Новой Кастилией и т.п.

Новороссия российским правительством стала заселяться российскими помещиками, посылавшими туда русских крестьян из своих российских поместий. Конечно, с колонизацией было много проблем (вспомним пресловутые «потемкинские деревни»), и поэтому правительство Екатерины II для быстрого освоения территории Новороссии стало приглашать иммигрантов со всей Европы, в первую очередь немцев-сектантов, всегда готовых к переселению хоть на край света, чехов, греков, албанцев (арнаутов) и особенно южных славян — сербов, македонцев, а также хорват и болгар, и, наконец, переселенцев из русской Прибалтики — эстов, латышей, шведов. Позднее, во второй половине XIX века, царское правительство пошло даже на такой шаг, как привлечение в

южное Поднепровье евреев из черты оседлости с наделением их даже землей, лишь бы они занялись хлебопашеством. Таким образом, в Новороссии сразу же стал складываться пестрый национальный и социальный состав (в период наполеоновских войн здесь появились даже французы, итальянцы и поляки), напоминавший американский Дикий Запад своим интернациональным характером.

Единственных, кого там практически не было, так это украинцев, хотя они территориально были ближе всего расположены к Новороссии. Причина этого явления была двойкой. С одной стороны, поскольку Новороссия считалась «москальской землей» и к переселению туда агитировало русское правительство, русская власть, то украинские националистические «братства», поддерживала *пассивное сопротивление* не только украинской мелкой и средней буржуазии, но даже и крестьянской гольтыббы *к переселению в новороссийские степи*. С другой стороны, к политико-националистической причине примешивалась и та исторически сложившаяся черта украинской психологии, согласно которой достойным центром украинской деятельности могли быть лишь коренные традиционные украинские земли: Волянь, Подолия и Малороссия. Новороссия в этом ряду сопоставлялась с Сибирью, хотя и лежала под боком. Это трудно понять людям с современной психологией и с нынешним знанием истории. Но в конце XIX века какой-нибудь украинский помещик на предложение получить поместье в районе реки Молочной, на Херсонщине, реагировал столь же возмущенно, как и польский пан в XVII веке на предложение короля выделить ему поместье на Киевщине: «Пан лучше будет есть солому, ваша милость, чем уедет из-под Кракова или Ченстохова». Зато совсем иначе рассуждали немецкие, австрийские князья и бароны, охотно приобретавшие в Новороссии поместья величиной с европейские герцогства, о чем красноречиво говорит деятельность Фальц-фейнов в Аскании-Нова. Но для гонористых «Тарасов Бульб» роскошные причерноморские степи сохранили вплоть до революции клеймо захолустной периферии, «дыры», от которой надо держаться подальше, и только советской власти с большим трудом удалось преодолеть эти преубеждения, заставив украинцев селиться южнее Николаева и Херсона. Кстати, в административном отношении Новороссия никогда не входила в дореволюционной России в состав украинских земель, которые именовались тогда Юго-Западным краем или Киевским генерал-губернаторством².

Советская власть и в отношении Крыма, его степной, северо-западной части, также проводила политику колонизации, учитывая опыт освоения царским правительством Новороссии. В Крым в 20-х годах были приглашены как оргпереселенцы не только немцы и эсты, там был создан в 1930 году еврейский национальный сель-

скохозяйственный Лариндорфский район с центром во Фрайдорфе. Инициатором его создания был Ю. Ларин, член коллегии Наркомфина и ВСНХа, один из теоретиков советской хозяйственной политики. Но и ему при всех его успехах колонизации Крыма и вовлечения в колхозы уже к 1931 году 95% сельского населения Лариндорфского района не удалось привлечь в Крым на работу украинцев. Они охотно приезжали отдыхать, но на этом их «деловые контакты» с Крымом обычно заканчивались. В результате до войны, к концу 30-х годов, национальный состав населения Крыма был следующим (в %): русские — 45, татары крымские — 25, евреи, в том числе караимы, — 10, немцы — 6, украинцы — 5, греки — 4, болгары — 2, армяне — 2, прочие — 1. И это при том, что украинцам до Крыма можно было доехать за пару часов.

При этом крымское население на 48% было городским — самый высокий процент горожан в довоенном Советском Союзе.

Особенностью довоенного крымского населения было и то, что оно было в высшей степени функционально-национально ориентировано в трудовом отношении. Татары работали виноградарями, виноделами и скотоводами. Евреи были заняты в земледелии и лишь отчасти в торговле, где безраздельно господствовали армяне, «отвечавшие» также за сеть общепита. Греки ловили рыбу и занимались садоводством и цветоводством. Русские работали на рудниках и в перерабатывающей промышленности, а также в качестве персонала, обслуживающего курорты (медсестры, врачи, горничные, администраторы, транспортные и коммунальные рабочие). Все были не только «при деле», но и делали это свое дело чрезвычайно профессионально, ибо только высокий профессионализм помогал удержаться на работе, куда устроиться была масса желающих.

При таком распределении функций пришедшие в Крым исторически не только слишком поздно, но и слишком нехотя украинцы не находили себе применения нигде, кроме бахчевого хозяйства, где они в основном и устраивались в северных, близких к Украине, районах. Все это вместе взятое и обусловило включение Крыма уже в 1921 году безоговорочно в состав РСФСР, причем не в качестве Таврической губернии, как это было при царизме, а в качестве Автономной республики Крым.

Крымская республика была образована постановлением ВЦИК 8 октября 1921 г. Основанием для этого было не только наличие национального меньшинства — крымских татар, но и общая особенность Крыма, его многонациональный характер, а также особое стратегическое положение этой области, ее историческое прошлое, то есть все факторы, говорящие за придание данной области автономного статуса, при наличии к тому же в Крыму почти половины

русского населения. Иными словами, статус Крыма вполне соответствовал тем юридическим нормам, которые были установлены для его приобретения, то есть для того потенциального суверена, который имел право приобрести Крым и владеть им.

Развитие Крыма в 1921—1941 годах шло в основном по двум линиям — индустриализация восточного Крыма, развитие там добывающей железорудной и нефтяной промышленности и по линии превращения западного и северного Крыма в сельскохозяйственную зону, а южного побережья — во всесоюзную здравницу.

Неожиданное начало войны показало, что Крым находился не в дальнем юго-восточном глухом углу РСФСР, а на переднем крае создавшегося фронта³, приблизившегося к Крыму в течение одного-двух месяцев. Война привела к резкому изменению статуса Крыма. Гитлер, выступая на совещании в ставке 16 июля 1941 г., впервые изложил план расчленения СССР, в котором Крыму уделялось значительное место⁴. Дело в том, что если планы расчленения СССР на такие крупные единицы, как Бессарабия, Карелия, Кольский полуостров (Лапландия), Украина, то есть на чрезвычайно заметные в истории специфичные в национальном отношении области России, были восприняты как «рутинные» и не удивили европейских западных политиков, то решение Гитлера присоединить Крым непосредственно к Германии, отделив его от России, было воспринято даже в гитлеровской военной среде как, мягко говоря, парадоксальное.

Между тем как раз в этом сказалась определенная геополитическая последовательность гитлеровского плана, состоявшего в том, чтобы лишить Россию всего, что делало ее цельной, взаимно дополняло и придавало стратегическое могущество. Гитлер верно определил общеевропейское стратегическое значение Крыма, рассматривая его отнятие у России как акт, равносильный закрытию выхода ей к Черному морю. Отнятие Крыма не было поэтому изолированным шагом, а стояло в одном ряду с отделением от России Прибалтики и Ленинграда (закрыть выход на Балтику), Карелии и Кольского полуострова (закрыть выход к Баренцеву морю) и Бакинской области (закрыть выход к Каспию)⁵. Развивая далее эти идеи, Гитлер позднее указывал, что стратегическая задача заключается в том, чтобы *Россия без выхода к морям постепенно погибла как самостоятельная страна без всяких дополнительных усилий по низведению ее на уровень колонии.*

Более того, уже в период весны—лета 1942 года, еще до прорыва немецких армий сразу и на Кавказ, и к Сталинграду, к Волге, Гитлер, взяв на вооружение бывший белогвардейский, а затем власовский лозунг «Россия для русских», подчеркивал, что лучшего метода душения России, чем последовательное проведение в

жизнь этого плана, трудно и придумать. Надо обкарнать Советский Союз от всех инонациональных областей и районов, *оставив только русские области изолированно нетронутыми*⁶, и «русская Россия» моментально задохнется в своем «национальном мешке»: от нехватки промышленного сырья, продовольствия, от нарастания социальных противоречий и от транспортного и энергетического паралича. Но, чтобы реализовать этот план, немцам надо было вначале нанести Советскому Союзу в Сталинграде такой ошеломляющий удар, после которого только и можно было приступить к планам административно-политического раздела. К счастью, в тот раз история повернулась по-другому. Но это нисколько не меняет серьезности и, главное, продуманности разработок таких планов. Их осуществление, пусть иным путем и в иное время, несомненно приведет к планируемому результату.

Как и планы присоединения Крыма непосредственно к Германии, они выглядели лишь внешне парадоксально для некомпетентных людей. И они не были бредовыми; они были, конечно, жестокими, антиисторическими, но что касается смысла, то скорее их можно квалифицировать как точно рассчитанные, геополитически выверенные.

У нас написано свыше 10 тыс. книг о войне, после войны сотни тысяч лекторов, пропагандистов, в том числе и профессиональных военных, на все лады пересказывали и крупные, и мелкие эпизоды военной эпопеи. И, тем не менее, в 1954 году, спустя почти десятилетие после войны, не нашлось никого ни в военных академиях, ни в спецслужбах, кто бы напомнил правительству или иным высоким инстанциям, что первым идею отделения Крыма от России высказал не кто-нибудь, а фюрер.

Между тем осуществил эту идею, которая, как мы видели, по сути своей и политически, и в международно-правовом отношении антиисторична и имеет явную и резкую антироссийскую направленность, нацелена на нанесение ущерба российской государственности, на подрыв его обороноспособности, осуществил все это не злейший враг СССР — Гитлер, а санкционировал и благословил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев в 1954 году (Указ от 19 февраля 1954 г.). Этот акт был ничем не мотивирован и не мог основываться ни на каких разумных основаниях. Поэтому он не может быть признан действительным, в том числе и по чисто юридическим причинам. Во-первых, этот административный акт, подобный перераспределению границ областей в унитарном государстве, не мог быть в то время отнесен к категории передачи *одним государством* части своей территории *другому государству* согласно договору. **Договор не был составлен.** Нельзя забывать, что основанием (*titulus*) в международном праве является договор, а не закон, как в государ-

ственном праве. Поэтому указ Президиума Верховного Совета СССР (т.е. закон) не мог являться легитимным основанием для передачи Крымской АССР — Украине. Был, следовательно, обычный административный акт, причем совершенный с превышением власти (никаких обсуждений в парламенте и заключений экспертов не было), а во-вторых, исторически и политически ошибочный, то есть подлежащий отмене. Поскольку, в-третьих, вся политика Н.С. Хрущева в момент его пребывания на посту первого лица в государстве была ошибочна и осуждена, а сам он снят со своего поста, то логично и последовательно было бы уже тогда отменить его решение относительно Крыма. Этого правительство Брежнева не сделало по двум причинам: во-первых, оно было еще менее грамотным, чем Хрущев, а во-вторых, Брежнев был на Украине таким же «перевертеном»⁷ как и Хрущев, и вел политику заигрывания с настоящими украинцами-националистами. И хотя ошибка с передачей Крыма не была своевременно исправлена, но сам факт ошибочности политики Хрущева был достаточно четко юридически зафиксирован фактом его устранения. Следовательно, юридически его решение о передаче Крыма Украине уже спустя десять лет было признано фактически недействительным. Речь идет, следовательно, о последовательном выполнении этого решения, о юридическом оформлении его.

Обратим внимание еще на один формальный международно-правовой момент. Крымская АССР была образована в составе РСФСР 8 октября 1921 г. Украинская ССР образовывалась дважды — 25 декабря 1917 г. и 1 января 1919 г. За период с 1917 по 1921 год и с 1919 по 1921 год Украинская ССР, а также другие украинские государства, существовавшие в этот период, то есть гетманство Скоропадского в 1918 году и Директория Петлюры 1918—1919 годов и ЗУНР в 1920 году никогда и ни в какой форме не ставили вопроса о территориальных претензиях Украины на Крым, ибо в то время выдвижение подобных претензий было бы расценено как дикость даже самими украинскими националистами.

В состав СССР Украина вошла, однако, лишь 30 декабря 1922 г., то есть более года спустя после того, как Крым уже входил в состав России, а, следовательно, его территория составляла *коренную территорию не только царской России* по праву завоевания в 1783 году, *но и СССР*, а такие территории нельзя отчуждать иначе как по договору и с санкции ²/₃ парламента. Все эти факты не были выдвинуты в 1954 году, чтобы продемонстрировать абсурдность передачи Крыма Украине. Иными словами, важнейшее политическое решение было принято легкомысленно, с нарушением всех процессуальных норм. Оно, следовательно, является недействительным.

Но беззаконие продолжалось и далее: 7 декабря 1991 года происходит так называемый «разрыв» союзного договора республик СССР. Во-первых, при этом присутствуют представители лишь трех республик, в то время как договор заключался шестью, а главное, реальный состав Союза ССР на 1991 год насчитывал 15 полноправных членов и решение о роспуске СССР могло быть законным только при наличии присутствия и положительного голосования их всех, причем необходимо было письменное фиксирование ликвидации бывшего договора соответствующим протоколом, поскольку речь шла о международно-правовом документе.

При этом и должен был бы неизбежно возникнуть вопрос о расхождении в том составе, в каком союзные республики входили в Союз и в каком они выходят из Союза. Следовательно, неизбежно бы возник вопрос о выходе России из Союза вместе с Крымом. Ничего этого не было сделано, не говоря уже о том, что любые, самые высокие представители, какими считали себя президенты, подобный вопрос без санкции парламентов и без референдума решать не были правомочны.

Могут сказать, что все это уже свершилось и теперь все равно ничего не поделаешь. Такое умозаключение неверно. Да, свершилось, но свершилось беззаконие, и, следовательно, это решение в правовом отношении недействительно. Следовательно, оно должно быть отменено — рано или поздно. Допустим, в силу определенных обстоятельств ныне нет возможности восстановить справедливость, ибо президент, допустивший нарушение закона, фактически все еще остается у власти, имеет реальную силу и не желает добровольно признать свои ошибки и беззаконие.

В таких случаях надо возбуждать дело об импичменте, выдвигая корректный юридический аргумент¹, что лицо, допустившее беззаконие и нарушение конституций 1936 и 1977 годов, не может быть облечено верховной властью. Это реальный, демократический правовой путь исправления государственных ошибок и привлечения к ответственности высших должностных лиц. И ничто, кроме низкопоклонства и безнравственности, не мешает законодателям вступить на этот путь.

¹ Для тех, кто, может быть, будет «шокирован» тем, что в данной статье, носящей, судя по заглавию, правовой характер, видно место отведено рассмотрению географических, геополитических, исторических, военных и экономических аспектов крымской проблемы, следует напомнить, что любое правовое умозаключение должно покоиться на прочном фундаменте реальных фактов, ибо коренная задача государственного и международного права, определенная еще римскими юристами, состоит в

выборе наиболее рационального решения. В этих указанных областях права, как известно, основную, главную роль играют принципы натурального обязательства, в отличие от строго формальных обязательств частного и других отраслей гражданского права.

Вот почему все так называемые «правовые решения» или выводы относительно крымской проблемы можно делать только на основе исчерпывающей осведомленности о реальных обстоятельствах (в том числе и географических), о международном положении Крыма, об историческом опыте (т.е. о прецедентах), которые были реально связаны с существованием в прошлом и в настоящем данного объекта, а никак не на основе абстрактных правовых постулатов, приуроченных к той или иной современной ситуации.

² Характерно, что Гитлер, решая вопрос о создании марионеточной Украины под руководством ярых украинских националистов, лишил Украину всей ее южной, то есть новороссийской, части, как *неукраинской территории*. Он отделил от УССР всю Одесскую область и все пространство между Днестром и Днепром и отдал его Румынии, назвав эти земли Транснистрией, то есть Заднестровьем. И украинские поборники «самостийности» нисколько не протестовали, ибо с исторической точки зрения эта территория, как и Крым, никогда не была украинской.

Чтобы окончательно примирить украинских националистов с утратой междуречья Днестра и Днепра, то есть Одесской, Кировоградской и Николаевской областей, Гитлер в сентябре 1941 года издал декрет о «великой имперской провинции Украине», в которую включались южные районы Орловской и Белгородской областей из РСФСР и южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей из Белоруссии, а также Крым.

Украина в этом новом составе превращалась в рейхскомиссарнат и делилась на шесть генерал-губернаторств (Исторія Української РСР. — Т. 7. — Київ, 1977. — С. 137—138).

Таким образом, Гитлеру первому принадлежала идея отнять Крым у России и передать его Украине. Фюрер считал, что это гениально рассчитанный ход, чтобы сделать две крупнейшие славянские страны кровными врагами: Украине Крым, по существу, не нужен, но из жадности она его «москалям» не отдаст, как собака на сене, а России Крым будет нужен позарез и она никогда не простит присвоения его Украиной. Нюрнбергский процесс. — Т. II, с. 176. — М., 1954 (2-е исп. и доп. изд.).

³ История второй мировой войны вообще лишней раз подтверждает тезис об особом как геополитическом, так и военно-стратегическом положении Крыма.

В Крыму с советской стороны действовала особая группировка — ОПА (Отдельная приморская армия), которая не подчинялась, не относилась, не входила ни в один из имевшихся фронтов, а состояла в непосредственных, прямых отношениях со Ставкой ВГК и управлялась путем делегирования Ставкой в ОПА своих представителей в случае критического положения. Ранг этих представителей Ставки ВГК в ОПА был столь высок (маршалы, заместители наркома обороны, начальники Политуправления РККА), что ни один фронт, за исключением Сталинградского и Кавказского летом—осенью 1942 года, не мог в этом отношении сравниться с ОПА.

Не меньшее значение уделял Крыму и Гитлер. В Крым был направлен такой боевой полководец, как фельдмаршал Манштейн. За Крым немцы дрались упорно. Гитлер не хотел сдавать Крым даже тогда, когда была сдана почти вся Украина и фронт ушел далеко на запад. Даже в этот момент Гитлер думал о внешнеполитическом значении Крыма: пока его военно-морские базы были в руках немцев, ни Румыния, ни Болгария не отважились бы на сепаратный мир, а Турция оставалась бы вернейшим тыловым прикрытием. Сдача Крыма меняла коренным образом всю стратегическую и внешнеполитическую ситуацию не только в Черноморском бассейне, но и шире — на всем восточном Средиземноморье.

Эти исторические примеры не только показывают отчетливо, какое реальное значение имеет обладание Крымом, но и доказывают исторически неизменное значение Крыма как необходимого ключа к политике в данном районе для любой крупнейшей и сильнейшей державы континента.

⁴ См. Нюрнбергский процесс. — Т. II. — М., 1954. — С. 176 (2-е исп. и доп. изд.).

⁵ Там же. — С. 176.

⁶ Dokumente der deutschen Politik. Reihe: Das Reich Adolf Hitlers. Herausgegeben von Prof. Dr. F.A. Six. Bd. 9, Teil I. Bearbeitet von Dr. Hans Volz. Rede des Führers am Helden gedenktag im Leughaus in Berlin am 10. März 1992. Junker und Dunnhaupt Kerlag. — Berlin, 1993. — S. 447. Сходные мысли были официально сформулированы еще ранее — в меморандуме Розенберга от 8 мая 1941 г. См. Нюрнбергский процесс. — Т. I. — М., 1954. — С. 405. «Сама Россия должна занимать в будущем только принадлежащую ей территорию».

⁷ «Перевертень» — так в украинской новейшей истории и в политической лексике принято называть русских, долго или даже всю жизнь проживших на Украине, считавших себя даже украинцами, но фактически не являвшихся ими ни по духу (психологически), ни по сути (политически) и говоривших не на украинском, а на искаженном гакающем языке, так называемом «перевертене».

⁸ Почему-то, анализируя крымскую проблему, современные правоведаы как нечто само собой разумеющееся совершенно отбрасывают тот факт, что при решении вопроса о Крыме в 1954 году была нарушена Конституция 1936 года, согласно которой Крым входил в РСФСР. При этом как бы подразумевающимся аргументом служит негласная ссылка на то, что это ведь была «сталинская конституция», которую можно, дескать, и нарушить. Однако при этом забывают, что такая трактовка Конституции 1936 года возникла только в 1992 году, в условиях, когда СССР как государство уже перестал существовать. Для 1954 года Конституция 1936 года была легитимной, и, следовательно, нельзя оценивать ее нарушение в 1954 году по политическим канонам 1992 года, о которых в 1954 году не могло даже пригрезиться. Не следует забывать, что закон не имеет ни обратной силы, ни силы упреждающей, как это ныне вольно и притом софистски стали толковать некоторые правоведаы, попросту подчиняя право политической конъюнктуре.

Статья поступила в редакцию в феврале 1996 года.